

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КУЛЬТУРА НАРОДОВ
АВСТРАЛИИ
И ОКЕАНИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СБОРНИК
МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
XXX

КУЛЬТУРА НАРОДОВ
АВСТРАЛИИ
И ОКЕАНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1974

В. Р. Кабо

К берегам озера Вечной Молодости

(Из истории русской этнографии)

В 1973 г. исполнилось 30 лет со дня смерти Александра Леонидовича Яценко. С этим годом связана и другая дата: 70 лет тому назад он совершил свое путешествие в Австралию.

Немногие наши соотечественники посещали Австралию с научными целями. И уж совсем мало было среди них людей, которые ставили своей задачей знакомство с жизнью ее коренного населения, изучение его антропологических особенностей, его культуры, собирание этнографических коллекций. А. Л. Яценко был одним из них. Ему предшествовал Н. Н. Миклухо-Маклай, изучавший аборигенов Австралии в последней четверти XIX в. После А. Л. Яценко большое путешествие в Австралию и Океанию совершил в 1908—1909 гг. петербургский профессор В. В. Святловский, автор книги «Примитивно-торговое государство как форма быта»,¹ исследования о происхождении и ранних формах денег и денежного обращения. Во время своего путешествия В. В. Святловский приобрел большую и ценную коллекцию для Музея антропологии и этнографии Академии наук.

После Октябрьской революции ни один советский ученый не посетил Австралию с целью изучения ее коренного населения, несмотря на то что в Советском Союзе существуют этнографы-австраловеды и океанисты. «Приходится признать, что до настоящего времени у нас не уделялось внимания изучению народов тихоокеанских островов непосредственно на их родине, — писал академик А. А. Губер в 1970 г. — ... Это особенно огорчительно, если вспомнить, что вклад русских прогрессивных ученых и путешественников в исследование этих стран и народов весьма значителен».²

После экспедиции советских этнографов на судне «Дмитрий Менделеев» на Новую Гвинею и другие острова Океании положение в этой части Тихоокеанского бассейна изменилось. Но в том, что касается Австралии, эти слова справедливы и сегодня.

К числу тех русских ученых и путешественников, о которых писал А. А. Губер, можно отнести и А. Л. Яценко. Он тоже внес свой, пусть скромный вклад в изучение Австралии и ее коренного населения. В этом отношении судьба его сложилась счастливо. В 1903 г. он смог осуществить свою мечту — путешествие в далекую Австралию. В этом ему помогла Академия наук, которая командировала его в Австралию для зоологических исследований и пополнения коллекций Зоологического му-

¹ СПб., 1914.

² Австралия и Океания (история и современность). М., 1970, стр. 4.

зая. Правда, денег на эту поездку Академия наук не ассигновала, и А. Л. Яценко путешествовал на собственные средства. Поездка принесла неоценимую пользу и самому исследователю, и отечественной науке. В подобных случаях одно всегда неотделимо от другого. Наряду с коллекцией австралийских животных А. Л. Яценко привез в Россию и этнографическую коллекцию, которая была пожертвована им Русскому Географическому обществу. В 1905 г. решением Совета Географического общества эта коллекция была передана в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого.

Коллекция А. Л. Яценко принадлежит к числу лучших коллекций австралийского фонда Музея антропологии и этнографии. Она выгодно отличается от других австралийских коллекций своей полнотой и разнообразностью. Александру Леонидовичу удалось собрать коллекцию, которая как бы отразила все стороны жизни и быта аборигенов Австралии. Она дает в руки исследователю все самое характерное для материальной культуры этого народа. Здесь представлены орудия труда (топоры, ножи, острокопечьяники и другие каменные орудия), оружие (бумеранги и родственные им типы оружия, копыя, копьеметалки, щиты), приборы для добывания огня, модель лодки с баланспром, сосуды из дерева и коры, сосуд из тыквы, корзины, сети и плетеные сумки, ожерелья и другие украшения, кисти и краски, музыкальные палки, палочка вестника, предметы культа и магии (чуринга, гуделка, магический инструмент для «порчи», ритуальная обувь), игрушки и мн. др. В коллекции находятся изделия из Центральной, Южной и Западной Австралии, из Квинсленда. Среди последних особенно интересны предметы из окрестностей Кэрнса — крестовидный бумеранг, изогнутый деревянный меч, боевой изогнутый щит с умбомом в центре; подобные изделия нигде более на континенте не встречаются. Часть вещей была подарена профессором Э. Ч. Стерлингом, участником экспедиции в Центральную Австралию в конце XIX в., другие — сотрудниками миссионерских станций, а некоторые попали в коллекцию непосредственно из рук самих аборигенов. Некоторые вещи были подарены комиссаром полиции в Аделаиде. Среди них оказались также ценные предметы, как типичная центральноавстралийская каменная чуринга с выгравированными на ее поверхности условными изображениями, магический костяной инструмент для «порчи», обувь убийцы-мстителя (*мурдайча*) из перьев эму, склеенных кровью, и человеческих волос.

«Если судьба поможет мне довести все это до России, — записывал Яценко в своем дневнике, — я привезу поистине драгоценный дар Центральной Австралии русскому музею».³

Во всем виден серьезный интерес собирателя к этнографии, хотя последняя и не была его основной специальностью, а собиранье этнографической коллекции не было главной целью его путешествия.

А. Л. Яценко вывез из Австралии не только ценные коллекции. Большое значение для него, как ученого и педагога, человека необычайно широких научных интересов, имели вывезенные им из путешествия разнообразные впечатления, впоследствии обогатившие его научные работы и статьи для юношества, его учебник по землеведению, его курсы лекций и уроки. Александр Леонидович вывез из путешествия и интереснейшие записки, опубликованные уже в советское время.

А. Л. Яценко родился в 1868 г. в г. Бугуруслане, в семье адвоката Леонида Нестеровича Яценко. В 1890 г. он окончил Петербургский уни-

³ А. Л. Яценко. Путешествие по Австралии. М., 1959, стр. 70.

верситет по естественному отделению физико-математического факультета. Еще студентом Яценко участвовал в двух экспедициях — в Лапландию (под руководством В. В. Семевского) и в Закаспийский край и Бухарские владения. Отсюда, возможно, идет глубокий и устойчивый интерес его к этнографии. За этнографические труды по первой поездке он был награжден серебряной медалью Русского Географического общества, которому принес в дар собранную им большую коллекцию по быту лопарей. В Трудах Петербургского общества естествоиспытателей в 1888 г. была опубликована его первая научная статья о Лапландии.⁴ Позднее появилась вторая его статья на эту же тему.⁵

Яценко был оставлен при университете и в 1891—1892 гг. командирован им в страны Западной Европы — Германию, Францию, Италию — для знакомства с новыми методами научных исследований, постановкой преподавания зоологии и географии в этих странах и осмотра зоологических коллекций. Прекрасная школа для молодого ученого!

В феврале 1903 г. он был избран действительным членом Русского Географического общества. До 1917 г. преподавал в различных учебных заведениях Петербурга и Нижнего Новгорода, в 1917 г. — в Петербургском женском педагогическом институте (ныне Педагогический институт им. Герцена), где читал общий курс этнографии на естественно-географическом отделении физико-математического факультета, иллюстрируя лекции предметами из собранных им в Лапландии и Австралии этнографических коллекций. Как рассказывала мне Е. Э. Бломквист, которая запомнила эти лекции на всю жизнь, А. Л. Яценко преподавал материал в живой и увлекательной форме и умел возбудить в своих слушателях настоящий интерес к этнографии. Не на этих ли лекциях и сама Евгения Эдуардовна впервые осознала себя этнографом по призванию?

В 1916 г. в Петрограде вышел учебник А. Л. Яценко по географии — «Начальное землеведение». Н. Н. Баранский дает этому учебнику в целом положительную оценку.⁶ Несмотря на то что учебник был предназначен для учащихся младших классов, автор считал необходимым включить в него краткие сведения по этнографии. Вообще преподавание географии А. Л. Яценко не мыслил в отрыве от этнографии, от познания народов, населяющих Землю. Учащиеся должны знать не только природу страны, но и народы, ее населяющие. Этими принципами Александр Леонидович руководствовался в своей преподавательской деятельности вплоть до последних лет жизни, когда он работал учителем географии в Горьковской области. Половину собственного дома в г. Сергач А. Л. Яценко отвел под организованный им краеведческий музей. Посетители музея вспоминают, что обычно директор музея, А. Л. Яценко, после показа местных экспонатов демонстрировал и сохранившиеся у него вещи, привезенные из Австралии.⁷

Как ученый Яценко сформировался в то время, когда этнография как наука еще не отделилась окончательно от естествознания и географии.

⁴ А. Л. Яценко. Отчет о поездке в Русскую Лапландию. Тр. Петербургск. общ. естествоиспытателей, Отд. зоологии, XIX, 1888.

⁵ А. Л. Яценко. Несколько слов о Русской Лапландии. «Этнографическое обозрение», 1892, кн. XII.

⁶ Н. Н. Баранский. Исторический обзор учебников географии. М., 1954, стр. 349—352.

⁷ Сведения о жизни и деятельности А. Л. Яценко см.: Энцикл. слов. Брокг. и Ефр., т. 82, СПб., 1904, стр. 866; Биограф. словарь профессоров и преподавателей Петербургск. ун-ва, т. 2, СПб., 1898; А. И. Соловьев. Вместо предисловия. В кн.: А. Л. Яценко. Путешествие по Австралии. М., 1939.

Неудивительно поэтому, что и сам он был одновременно натуралистом, географом и этнографом. Это объясняется не только широтой его научных интересов, но и состоянием науки его времени. Тесная связь этнографии с естествознанием и географией, физической антропологией и археологией — характерная черта науки конца XIX — начала XX в. Опытно проявилась в создании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и появлении такого выдающегося ученого, как Д. Н. Анучин. Как и А. Л. Яценко, он был зологом по основной специальности, но, обладая широчайшей научной эрудицией, успешно работал одновременно в области географии, антропологии, археологии и этнографии. Вообще многим крупным деятелям науки того времени были присущи энциклопедизм, широкий кругозор, умение сочетать в своей деятельности методы различных наук. Традиции сочетания этнографии, археологии и антропологии сохраняются и поныне в Московском университете. В наши дни, несмотря на неизбежный процесс все углубляющейся научной специализации, возрождается понимание того, что знание одно, что только на основе сближения различных наук, на стыке смежных, а порой и далеких научных дисциплин наука может прийти к наиболее плодотворным результатам.

Будучи студентом Московского университета, воспитанником его кафедры этнографии, я приехал в Ленинград, в Музей антропологии и этнографии, чтобы здесь, по совету моего научного руководителя С. А. Токарева, изучить и сделать научное описание, основанное на всестороннем анализе каждого объекта, одной из австралийских коллекций. Сотрудники отдела Австралии и Океании посоветовали мне взять коллекцию А. Л. Яценко. Так появилась моя дипломная работа, впоследствии напечатанная в одном из «Сборников МАЭ». Это была первая полная научная публикация коллекции А. Л. Яценко.⁸

Мне думается, трудно представить себе лучшее начало для знакомства с культурой народа, если только ты лишен возможности непосредственного общения с ним, чем изучение его материальной культуры по этнографическим коллекциям. Ведь в том, что мы называем материальной культурой, овеяствен духовный опыт народа, его знания, традиции, его сознательная, творческая активность. Материальная культура выражает и закрепляет достижения бесчисленных поколений в сфере культурного творчества. Кажется, вещи еще помнят прикосновение рук, которые сделали их и пользовались ими.

Заинтересовавшись личностью собирателя коллекции, я узнал, что под Москвой, в Горках Ленинских, живет и работает дочь А. Л. Яценко, В. А. Никифорова. И вот я еду к ней. Вера Александровна знакомит меня с дневником отца, в котором он подробно, день за днем, описал свое путешествие в Австралию. Чтение этого дневника, тогда еще никому почти не известного, убедило меня, что он ценен не только как источник сведений о том, как и при каких обстоятельствах Яценко собирал свои коллекции. Написанный живым, любознательным, наблюдательным человеком дневник интересен описаниями городов и местностей Австралии, которые он посетил, людей, с которыми встречался и которые помогали ему в работе, его личными впечатлениями и мыслями. Воспользовавшись разрешением В. А. Никифоровой, я опубликовал наиболее интересные для этнографа и австраловеда страницы дневника.⁹ А вскоре записки

⁸ В. Р. Кабо. Описание австралийской коллекции А. Л. Яценко в Музее антропологии и этнографии. СМАЭ, т. XIX, М.—Л., 1960, стр. 111—167.

⁹ В. Р. Кабо. А. Л. Яценко и его путешествие в Австралию. СЭ, 1957, № 6, стр. 59—61.

А. Л. Яценко, пролежав в рукописи полстолетия, были, наконец, опубликованы полностью под редакцией члена-корреспондента Академии педагогических наук РСФСР А. И. Соловьева. Книга была иллюстрирована многочисленными фотографиями из архива автора дневника.¹⁰

А. Л. Яценко посетил также крупные города Австралии, как Перт, Аделаида, Мельбурн, Сидней, Кэрнс, Брисбен. Он познакомился с их музеями, в частности с их богатейшими этнографическими фондами. Всюду он интересовался постановкой музейного дела и преподавания. Особенно его интересовали школы при миссиях, где обучались и дети, и взрослые аборигены. Он встречался с такими известными учеными, как Эдвард Чарльз Стерлинг, Болдуин Спенсер, исследования которого составили эпоху в австраловедении, пастор Карл Штрелов, автор классических работ, посвященных аборигенам Центральной Австралии. К сожалению, последних двух он упоминает лишь бегло, а подробно пишет только о встрече с первым. В Центральной Австралии, в районе р. Куперс-Крик, Яценко посетил миссионерскую станцию Киллалпанина, а в Квинсленде, близ Кэрнса, — миссионерскую станцию Яравва. Он видел коренных обитателей страны. И вот какое впечатление вынес он из этих встреч: австралийский абориген «бесспорно умен, сообразителен, иногда горд и царски величав»; «коренные австралийцы очень честны».¹¹

Местность, где была расположена миссионерская станция Киллалпанина, представляет большой этнографический интерес. Киллалпанина — название маленького озера, лежащего в 50 милях к востоку от оз. Эйр. Австралийцы из племени дери верят, что человек, который почувствует себя дряхлым или больным, должен омыться в водах озера, тогда он снова станет юным и здоровым. К оз. Киллалпанина, связанному с древним культом Великой Матери, с незапамятных времен стекались падала аборигены, чтобы вернуть себе утраченную молодость и здоровье.¹² Около озера и находилась миссия, которую посетил А. Л. Яценко.

Он познакомился здесь с этнографическими материалами пастора Рейтера, который много лет прожил среди аборигенов. Александр Леонидович воспроизводит в своем дневнике некоторые этнографические сведения, собранные Рейтером: о счете и числительных, об определении времени по солнцу, о лунном календаре и астрономических познаниях аборигенов, о глубоких познаниях их, связанных с жизнью животных и растений, и о некоторых других положительных знаниях и практических навыках. Уже из этого видно, какое бесценное сокровище представляли собой записи Рейтера — ведь мы находимся здесь в сущности у истоков науки, а этому аспекту духовной культуры аборигенов европейцы, как правило, не уделяли того внимания, которое он заслуживает. Интересно и то, что и здесь, как это вообще характерно для ранних этапов культурного развития, эмпирическое, основанное на опыте, неотделимо от сверхъестественного, переплетено с ним. Так, например, аборигенам, по данным Рейтера, известно, о чем предупреждают их птицы своим криком.

Яценко пишет о желании Рейтера опубликовать свои материалы; и, если судить по библиографическим справочникам, они, по-видимому, так и не увидели света, а записи в дневнике Александра Леонидовича — это, возможно, все, что опубликовано. Яценко сам пишет, что это лишь ничтожная часть материалов Рейтера.

¹⁰ А. Л. Яценко. Путешествие по Австралии.

¹¹ Там же, стр. 67, 95.

¹² H. B a s e d o w. The Australian Aboriginal. Adelaide, 1925, pp. 290—291.

Яценко проявил живой интерес к языку австралийцев и воспроизвел в дневнике некоторые тексты на местном наречии, с переводом. Он посетил школу для аборигенов при миссии и присутствовал на уроках. На него произвели впечатление способности учащихся, как взрослых, так и в особенности детей, в частности, к математике. Непосредственно общаясь с аборигенами, он убедился в их необычайной приспособленности к жизни в труднейших природных условиях, характеризуемых минимальными запасами воды и животных белков. Его поразило умение аборигенов добывать огонь трением за несколько минут, находить питьевую воду, сохраненную корнями деревьев. Яценко соприкоснулся здесь с замечательным фактом, который так и не поняли многие европейцы, что культурная отсталость аборигенов Австралии (и многих других народов) не является свидетельством их неспособности к культурному творчеству, свойством какой-то иной психической структуры, принципиально отличной от европейской, а отражает тысячелетний культурный опыт народа и исторически обусловлена.

В окрестностях Корриса, в Квинсленде, Александр Леонидович незадолго до своего возвращения на родину посетил стойбище аборигенов, отличающихся от остальных представителей коренного населения Австралии некоторыми чертами культуры и антропологическими особенностями, сближающими их в большей степени, чем остальных австралийцев, с аборигенами Тасмании (к тому времени уже уничтоженными). Яценко удалось уговорить аборигенов устроить для него *коробори*. «Увидеть хотя бы тень тех оригинальных игралли и обрядовых танцев, которые некогда совершались во всех уголках Австралии ее исконными обитателями и которые теперь быстро исчезают, предввывая исчезновение самих племен, было одной из целей моей поездки», — пишет он.¹³ Он подробно описывает ночную пляску аборигенов. И само действие, и обстановка, в которой оно совершалось, — все это произвело на него глубокое впечатление. «Да и действительно, — записывает он в дневнике, — разве не чудно было человеку, четыре месяца перед этим жившему мирно в Петербурге, да еще на Петербургской стороне, стоять среди глухого тропического леса Австралии, озаряемого колеблющимся огнем костров и оглашаемого оригинальными звуками черных потомков тех „дикарей“, которые с копьями и бумерангами пытались десятка два-три лет назад отстоять свою родину и дикую свободу от нахлынувшей на них тлетворной Европы».¹⁴

Читая эти слова, невольно возвращаешься мыслью еще на 80 лет назад, когда в окрестностях Порт-Джексона, будущего Сиднея, другой русский ученый, И. М. Симонов, участник антарктической экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, смотрел на такую же ночную пляску аборигенов и в душе его поднимались те же чувства. Уже во времена А. Л. Яценко ничего подобного в окрестностях этого большого современного города увидеть было нельзя. В наше время самобытная культура аборигенов Австралии сохраняется лишь местами, но и там доживает, вероятно, последние годы.

Увидят ли русский путешественник древние обряды австралийцев еще раз до того, как они окончательно исчезнут с лица земли?

¹³ А. Л. Яценко. Путешествие по Австралии, стр. 161.

¹⁴ Там же, стр. 163.